

Ткачев Петр Никитич

**Судебные ошибки,
посвящаемые присяжным
заседателям**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Никитич Т.**
Судебные ошибки, посвящаемые присяжным заседателям: Том 1 / Ткачев Петр
Никитич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 440 с.

ISBN 978-5-519-76921-1

ISBN 978-5-519-76921-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга эта предназначена для наших присяжныхъ засѣдателей. Цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы предостеречь ихъ отъ тѣхъ роковыхъ ошибокъ, которыя, подрывая съ одной стороны довѣріе общества къ суду, съ другой подвергаютъ невинныхъ самымъ тяжкимъ и незаслуженнымъ страданіямъ.

Отъ слова присяжныхъ, отъ ихъ „да“ или „нѣтъ“ зависитъ судьба подсудимаго и всѣхъ лицъ находящихся съ нимъ въ болѣе или менѣе тѣсныхъ отношеніяхъ; ихъ „да, виновенъ“ гонитъ человѣка въ тюрьму, въ рабочій домъ, на каторгу, отрываетъ отъ семьи, портитъ его жизнь, и жизнь всѣхъ близкихъ ему людей. Одно уже это (неговоря о высшихъ интересахъ отвлеченнаго право-

судіа) ясно показывается какъ должны они быть осторожны въ своихъ обвиненіяхъ и какъ должны они опасаться, чтобы приговоръ ихъ, со всѣми своими роковыми послѣдствіями, не палъ на голову невиннаго. А между тѣмъ, судебная практика показываетъ, что это случается сплошь да рядомъ. Буассоме вычислилъ, что при такомъ устройствѣ суда присяжныхъ, при которомъ приговоры составляются по простому большинству голосовъ, подсудимый имѣетъ одинъ шансъ противъ 15 быть невинно осужденнымъ, — т. е. изъ 15 справедливыхъ приговоровъ одинъ, по крайней мѣрѣ, будетъ несправедливымъ. Но оставимъ даже въ сторонѣ теорію вѣроятностей: число *открытыхъ* судебныхъ ошибокъ лучше всего показываетъ, какъ должно быть велико число судебныхъ ошибокъ вообще. Чтобы судебная ошибка открылась, требуется стеченіе крайне счастливыхъ и рѣдкихъ случайностей; поэтому отношеніе открытыхъ судебныхъ ошибокъ къ общему ихъ числу должно быть крайне незначительно. Но если и это, сравнительно незначительное число, въ сущности весьма значительно, то, что же мы должны думать объ общей суммѣ несправедливыхъ приговоровъ, произносимыхъ при-

сяжными, объ общемъ числѣ несчастныхъ, невинно страдающихъ изъ за ошибокъ и заблужденій нѣсколькихъ легковѣрныхъ людей.

Конечно, за эти ошибки нельзя безусловно обвинять однихъ присяжныхъ, — они впадаютъ въ нихъ безсознательно, сами того не желая, — они творятъ зло неумышленно. Гораздо болѣе ихъ виноваты тѣ, которые, имѣя возможность предостеречь ихъ отъ заблужденій, не дѣлаютъ этого, которые, ради своихъ эгонистическихъ видовъ, вмѣсто того, чтобы научить и направить ихъ на истинный путь, своими рѣчами, только спутываютъ и сбиваютъ ихъ. Главнѣйшая причина ихъ заблужденія заключается въ слишкомъ большемъ довѣріи къ тому, что они видятъ и слышатъ; это довѣріе, или правильнѣе это легковѣріе, весьма извинительное въ вещахъ неважныхъ, обыденныхъ, — въ высшей степени предосудительно и даже преступно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни, чести и счастіи человѣка; здѣсь требуется удвоенная осторожность, удвоенный скептицизмъ, въ особенности относительно всего того, что говорятъ и доказываетъ обвиняющая власть, потому что ошибки, вносящіяся въ пользу подсудимаго, несравненно

менѣе ужасны и вредны по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ ошибки, клонящіяся не въ пользу подсудимаго. Отъ первыхъ страдаютъ только отвлеченные интересы правосудія, отъ вторыхъ же не только страдаетъ правосудіе, но, кромѣ того, страдаетъ невинный человѣкъ, страдаетъ все общество. Несправедливо-осужденный естественно ожесточается противъ общества, такъ жестоко и безжалостно сгубившаго его жизнь, и чуть только онъ получитъ возможность вредить этому обществу, — онъ будетъ ему вредить, вредить изъ мести, вредить, насколько хватитъ у него силъ. Общество пріобрѣтаетъ, въ его лицѣ, такимъ образомъ, новаго врага. Мало того, несправедливый приговоръ, подвергшій незаслуженнымъ страданіямъ невиннаго, ожесточаетъ противъ суда народъ и въ корнѣ подрываетъ то довѣріе и уваженіе, которымъ долженъ пользоваться судъ въ благоустроенномъ государствѣ. Потому, если взвѣсить всѣ роковыя послѣдствія судебной ошибки, отъ которой страдаетъ невинный, то невольно придется преклониться передъ великой мудростью старой поговорки, что *лучше простить десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго*. Не приторная сентиментальность, не слезливая фи-

лантропія создали эту истину; нѣтъ, она логически вытекаетъ изъ простаго, практическаго разсчета, — она есть продуктъ здраваго смысла, не затемненнаго юридическими софизмами и метафизическими хитросплетеніями. Потому присяжные представители здраваго смысла народа должны вполне проникнуться ею, и не на минуту не упускать изъ виду всѣхъ тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, которые могутъ произойти отъ осужденія невиннаго.

Пробудить въ присяжныхъ сознаніе этой истины, сдѣлать ихъ, по возможности, осторожными и осмотрительными въ ихъ обвинительныхъ приговорахъ — вотъ задача предполагаемой книги. И, если предостереженія и печальные примѣры судебныхъ ошибокъ, собранныя здѣсь, спасутъ хотя нѣсколькихъ невинныхъ отъ несправедливаго осужденія, сдѣлаютъ хотя нѣсколько присяжныхъ осмотрительными и осторожными въ обвиненіяхъ — то цѣль наша будетъ достигнута.

О ВѢРОЯТНОСТИ ОШИБОКЪ ВЪ СУДЕБНЫХЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ.

Что такое доказательство вообще?

«Всѣ извѣстные намъ факты, видимые и невидимые, внутренніе или внѣшніе, связуются въ одну нескончаемую цѣпь, которую мы называемъ связью причинъ и слѣдствій. Природа вещей такова, что люди способны изъ существованія какого нибудь факта заключать о существованіи, въ прошедшемъ или будущемъ, другихъ фактовъ. Изъ отпечатка ноги на мягкой почвѣ, мы заключаемъ, что чья-то нога ступала по этой почвѣ. Изъ того факта, что нѣкто ставитъ ногу на мягкій грунтъ, мы заключаемъ, что, по совершеніи имъ движенія, отпечатокъ ноги появится на почвѣ. Какой нибудь опредѣленный фактъ или группа фактовъ, употребляемыхъ съ цѣлью заключить изъ нихъ о существованіи другого факта, называется доказа-

тельствомъ этого послѣдняго. Положимъ, что поставленъ вопросъ, умеръ ли Джонъ Смитъ или живъ? *А* говоритъ: я знаю Джона Смита и видѣлъ его мертвымъ. *В* говоритъ: я знаю Джона Смита, я видѣлъ его лежащимъ въ постелѣ и сильно больного. Вскорѣ потомъ я услыхалъ, что онъ умеръ, видѣлъ похороны, самъ участвовалъ въ проводахъ и слышалъ, что это похороны Смита; я видѣлъ, какъ погребальное шествіе начиналось у дома Смита и направлялось на кладбище, гдѣ и опущенъ былъ въ землю гробъ, на которомъ надписана была его фамилія. *С* говоритъ: *Z* сказалъ мнѣ, что онъ слышалъ отъ *X*, что Джонъ Смитъ умеръ. — *D* говоритъ: мнѣ снилось, что Джонъ Смитъ умеръ. Каждый изъ этихъ фактовъ можетъ служить доказательствомъ смерти Джона Смита, когда ихъ станутъ употреблять съ цѣлью вывести заключеніе, что Джонъ Смитъ дѣйствительно умеръ. Показанія *A* и *B* будутъ вообще принимать за убѣдительныя, показаніе *C* будетъ признано весьма сомнительнымъ, показаніе же *D* будетъ сочтено вздорнымъ, и можетъ дѣйствовать только на людей, исполненныхъ суевѣрія. Эта мысль можетъ быть выражена такимъ образомъ: показанія *A* и *B* суть хорошія доказательства, а показаніе *D* есть несостоятельное доказательство смерти Смита. Впрочемъ этотъ способъ выражаться неправиленъ: вопросъ о томъ, служить ли одинъ фактъ доказательствомъ другому, зависитъ

отъ способа употребленія перваго изъ нихъ. Если бы люди имѣли обыкновеніе вѣрить снамъ, тогда бы показаніе лица, которому приснилась смерть Смита, было бы достаточнымъ доказательствомъ его смерти.» (Стифенъ. Уголовное право Англіи, выпуск. I, стр. 305, 306). Но, люди, вообще говоря, теперь уже не имѣютъ этого обыкновенія, зато они имѣютъ другое обыкновеніе вѣрить въ то, относительно чего другіе люди увѣряютъ, будто они сами это видѣли или слышали. Приведенные примѣры доказательствъ ясно опредѣляютъ характеръ *доказательствъ* вообще, они показываютъ, что всякое доказательство есть силлогизмъ, въ которомъ *доказываемое* содержится въ заключеніи, самое доказательство въ *меньшей посылкѣ*, а обоснованіе этой меньшей посылки есть дѣло большей посылки. Изложенные подробно, приведенные выше примѣры доказательствъ должны принять слѣдующую форму.

Первый примѣръ. Наши чувства не обманываютъ насъ;—то, что мы видимъ, то и есть на самомъ дѣлѣ (большая посылка).

А видѣлъ Джона Смита мертвымъ (меньшая посылка); ergo

Джонъ Смитъ умеръ (заключеніе).

Второй примѣръ подходит подъ одну и ту же общую посылку, какъ и доказательство приведенное въ первомъ.

Третій примѣръ. Люди не обманываютъ другъ

друга; фактъ, который одинъ человѣкъ передаетъ другому, какъ нѣчто существующее или случившееся—существуетъ и на самомъ дѣлѣ (большая посылка).

С слышалъ отъ Z, что ему сказывалъ X, что Джонъ Смитъ умеръ (меньшая посылка); ergo

Джонъ Смитъ умеръ (заключеніе).

Четвертый примѣръ. Сны всегда исполняются въ дѣйствительности; когда кому нибудь снится, что человѣкъ умеръ, то человѣкъ и дѣйствительно значить умеръ (большая посылка).

Д снилось, что Джонъ Смитъ умеръ (малая посылка); ergo

Джонъ Смитъ умеръ (заключеніе).

Подъ эти формулы подводятся всевозможныя доказательства. Мы нарочно остановились на этомъ силлогистическомъ построеніи доказательствъ, для того, чтобы показать съ какою осторожностью слѣдуетъ относиться къ доказательству (т. е. къ меньшей посылкѣ) и въ какой тѣсной зависимости оно находится отъ тѣхъ общихъ положеній или выводовъ нашего ума, на которыя мы, въ подобныхъ случаяхъ, такъ рѣдко обращаемъ вниманіе. Обыкновенно, мы увлекаемся среднимъ членомъ силлогизма, совершенно забывая, что вся суть дѣла совсѣмъ не въ среднемъ а именно въ первомъ членѣ, т. е. въ главной, большей посылкѣ. Смитъ умеръ, говоритъ А, потому что я видѣлъ его мертвымъ.